— Опять ее нет на месте! Долго мы еще будем терять рабочее время?!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

КРОКОДИЛ



Ю. БОРИН,
специальный
корреспондент
Крокодила

Что такого он сделал?



— Посуду принимаем! Принимаем посуду!

Рисунок Б. САВКОВА

Видит бог, не с большой охотой берусь я за эту тему. Вообще читающая публика думает, наверное, что пускание сатирических стрел доставляет фельетонисту неизъяснимое наслаждение. А тут сидит перед тобой малознакомый мужчина в цветущем возрасте, лепечет о снисхождении, и вот уже противная жалость мешает накапливать яд и сарказм, подтачивает решимость.

И думаешь: ну, что он такого сделал! Не жулик. Не прохвост. Так, выпивает. Подумаешь, делов! В конце концов свое здоровье гробит, не чужое. Опять же, пьяный проспится, дурак — никогда.

И уже хочется отложить перо. Этак тихохонько уйти, плотно прикрыв за собой дверь. Незаметно ускользнуть. Даже слово «пьяница» произносить как-то неудобно, когда человек уже хорошо выспался и выглядит совсем свежим. Тем более, если этот человек в должности состоит. Заместитель он начальника ремонтно-строительного управления, сокращенно — РСУ.

Нет, знаете, прокурором в этом деле я не буду. Лучше адвокатом. По доброте душевной.

...Надо вам сказать, что мой подзащитный — хороший инженер, опытный руководитель, деловитый работник. Начал простым инженером после окончания института коммунального хозяйства. Постепенно вырос до начальника областного управления этого самого хозяйства.

Не шутка. Работа серьезная, ответственная. Владимир Петрович проявил себя. Строил. Украшал город Белгород и область. Отметил пуск первого троллейбуса.

Ну, однажды засиделся с гостями до петухов. Впрочем, в городе какие петухи! Петухи здесь не мешают. Следующий раз засиделся дольше. А как же, гости приехали из Харькова. Или из Курска. Или из Кировограда. Мало ли откуда приезжают в Белгород гости!

Не угостить своих братьев-коммунальников неудобно. В порядке, так сказать, взаимопомощи. В следующий раз ты к ним приедешь — они угостят. А если без угощения — кто приедет! Скажут, негостеприимно встречают в Белгороде.

Сначала Владимир Петрович Северинов угощался с братьями-коммунальниками. Потом стал угощаться без братьев. Не ждать же в конце концов, пока кто-нибудь приедет. Этак можно от жажды помереть. Вызывает мой подзащитный машину и едет. На объект. А по дороге разные торгово-питейные точки. Разве устоишь! Как поется в одной песне, против стойки мы не стойки.

В своем кабинете Владимир Петрович в нетрезвом виде старался не сидеть. Неприятно, когда подчиненные отворачиваются. Опять же начальство по телефону звонит, может заметить некоторые дефекты речи. То ли дело — взял машину и катайся, пока не протрезвеешь.

А все же заметило начальство. Было, правда, несколько упущений. То объект задержали с вводом, то чего-то вовремя не подвезли, то не увезли... В конце концов не мог же мой подзащитный за всем уследить, когда он на объекте.

Одним словом, решили Владимира Петровича снять. Не то чтобы просто так — взять и снять. Просто так както неудобно. Решено было перевести. Но куда! Подумали: очень он будет хорош в областном ремонтно-строительном тресте в той же системе коммунального хозяйства. Инженер. В строительстве разбирается. Вот только беда: управляющий трестом там уже есть, а начальником отдела или, допустим, участка — это уж, знаете, неудобно.

Короче, ввели специально для Северинова должность заместителя управляющего. Должность тоже ничего. Прогрессивка. Можно по объектам ездить. Правда, теперь над ним стал жесткий человек — Шевченко Виктор Петрович, который занял его прежнюю должность начальника управления коммунального хозяйства. Этот не давал покоя, требовал работы, чуть что — лишал премиальных.

Очень это нервировало Владимира Петровича. Можно даже сказать, травмировало. Ну, что за порядок, если три квартала подряд заместителя управляющего лишают премиальных!

Судите сами, мог ли спокойно работать мой подзащитный! Поневоле запьешь Вызывают его, допустим, в Борисовку проверить, как идет строительство водопровода, Владимир Петрович приезжает, а из машины выйти не может. Ноги не идут. Или, скажем, звонят в трест из Шебекина: заберите вашего зам. управляющего, лыка не вяжет.

А ведь не понимают люди, что все это от нервов. Ужасно нервная работа. И если пуск водопровода в Борисовке *сорвался*, так это исключительно на нервной почве. Потом пришлось валидол сосать и валерьянку глотать.

А каково читать о себе в приказе по управлению такие слова: «Зам. управляющего трестом тов. Северинова В. П. за неудовлетворительное руководство, слабый контроль за ходом строительства производственной базы, невыполнение плана бытового обслуживания населения, появление на работе в нетрезвом состоянии лишить премии на 100%».

Конечно, пригорюнился Владимир Петрович. Вспомнил молодость. Ведь хвалили. Отмечали. Выдвигали. А теперь! «Неудовлетворительное руководство». «Невыполнение». «В нетрезвом состоянии». Сплошные «не».

Вот я и спрашиваю, дорогие товарищи, откуда берутся эти проклятые «не»! Почему не ладится, не получается, почему тебя не уважают! Кто виноват, что эти «не» преследуют тебя всюду — на работе, на улице, дома! И приходит такое время, когда ты уже не можешь потребовать от подчиненных, потому что ты уже не руководитель...

Впрочем, я не знаю, возникали ли у моего подзащитного такие мысли, но знаю, что он себя искренне жалел. Было ему до слез себя жалко, сел он в собственную машину и поехал. Куда! А куда глаза глядят. В райцентр Корочу.

Но тут глаза его углядели очередную торгово-питейную точку... Спустя некоторое время машину Владимира Петровича доставили в ГАИ города Белгорода в раздавленном виде, а его самого — целым и невредимым, но в том состоянии, которое на суровом языке милицейских протоколов называется «состоянием тяжелого опьянения».

По счастливому стечению обстоятельств, ГАИ и медвытрезвитель находятся в Белгороде в одном доме. Поэтому работники вытрезвителя приютили В. Северинова, дали ему койку, разрешили проспаться. Надо отметить, что, несмотря на столь прискорбные обстоятельства, Владимир Петрович держался хорошо, а на вопрос о месте работы заявил, что он нигде не работает. В самом деле, к чему лишние разговоры!

Милиция не стала докапываться до сути, поверила Владимиру Петровичу на слово, никакого извещения никуда не послала. Не первый он в вытрезвителе и не последний.

Но слушок все же пошел. Узнал жесткий человек Шевченко, что Северинов разбил свою машину. И вот теперь Владимир Петрович уже не зам. управляющего трестом, а зам. начальника РСУ управления бытового обслуживания Белгородского облисполкома.

...Мой подзащитный сидит передо мной и ругает начальника управления коммунального хозяйства Шевченко:

— Не давал работать. Шпынял. Придирался по пустякам. Обрывал на каждом шагу. И Батищев, управляющий трестом, тоже хорош. Нет, работать там было невозможно. И потом если я такой плохой, почему меня не вызвали в горком! Почему не пригласили в обком! Сказали бы: что ты там вытворяешь, такой-сякой! Я бы, может, исправился. А то ведь никто ни гугу.

Он прав, мой подзащитный. Учетная партийная карточка у него девственно чиста. Выговоров не давали, на вид не ставили. Потихоньку, словно бы стыдясь чего-то, переводили на более низкую должность. Даже жесткий человек Шевченко под конец пожалел:

— Вот что: или я вас увольняю за пьянство, или вы сами подаете заявление по собственному желанию.

Пришлось подать заявление. А тут как раз в управлении бытового обслуживания приятели нашлись, устроили в РСУ.

И появляется у меня нехорошая мысль. А почему, собственно, надо жалеть моего подзащитного! Все у него хорошо, все обошлось. Кругом корректные, добрые люди. От кого защищать Владимира Петровича! Разве что от него самого!

г. Белгород.

Сейфеддин ДАГЛЫ

Рассказ

ТАКАЯ УДИВИТЕЛЬНАЯ АЗБУКА

Ахмед и Мамед в один и тот же день пришли в школу в первый класс и сели за одну парту.

Учитель написал на доске первую букву и сказал, чтобы дети переписали ее в свои тетрадки.

Ахмед быстро справился с заданием, а Мамед никак не мог, и тогда Ахмед помог соседу, аккуратно выведя в его тетради первую букву алфавита.

Оба удивились.

Ахмед украдкой разглядывал нового друга. Такой толстый мальчик с трудом умещается в таком новеньком костюмчике; его такой дорогой портфель набит тетрадями, цветными карандашами. Почему же он не может управиться с таким простым заданием? И Мамед потихоньку удивлялся соседу: такой худенький, пиджачишко на нем болтается, портфельчик такой неказистый... Почему же он так хорошо все делает?..

Раз удивившись, друзья уже не могли оправиться от удивления долгие годы.

В школе Ахмед выполнял, кроме своих, и уроки Мамеда, писал от его имени заметки в стенную газету и записки девочкам. И каждый раз Ахмед удивлялся: ведь Мамед совсем не знает, о чем писать. Почему же он берется за заметки, зачем посылает записки девочкам? Удивлению Мамеда тоже не было границ: ну и чудак этот Ахмед, так хорошо умеет писать, а заметки за своей подписью не дает, умен, красив, а ни с одной девушкой не встречается.

Мамед и десятилетку окончил с помощью друга, и заявление в институт за него написал Ахмед.

Потекли студенческие годы. Днем Ахмед работал на заводе, а вечером учился. Частенько, спеша на занятия, он встречал Мамеда в веселой компании. Но по привычке Ахмед никогда не отказывал другу в помощи, даже написал за него дипломную работу. Ахмед остался работать на заводе инженером, а Мамед получил направление в главк и через некоторое время стал начальником Ахмеда.

Новый начальник тут же вызвал к себе старого друга.

— Привет, старина! — сказал он. — Я о тебе сразу подумал. Добился для тебя новой штатной единицы,— заместителем моим будешь, по письменной, так сказать, части. Сиди себе и пиши.

— Что писать? — удивленно спросил Ахмед.

Мамед засмеялся:

— Я слышал, ты тему взял, а в цеху у тебя работы много, не напишешь диссертации... Сиди здесь и пиши себе помаленьку. Ну, будешь еще писать доклады для руководства, то есть для меня. Сам знаешь, сколько мне приходится выступать: отчеты на совещаниях, официальные речи, с ума сойти можно...

Ахмед пожалел друга и согласился.

Конечно, диссертацию свою он писал ночами — ведь днем свободной минуты не оказывалось. Хоть и трудно было, но Ахмед все-таки стал кандидатом наук. На следующий день после защиты шеф положил перед своим заместителем тощую папку:

— Друзья во всем должны быть равны. Выбери время и напиши диссертацию для меня. Предварительные наметки я сделал сам, тебе остается превратить эту тонкую папку в толстенькую...

Через три года Мамед успешно защитил написанную Ахмедом диссертацию и стал кандидатом наук...

Как говорили еще древние мудрецы, желаниям человеческим нет предела.

В один прекрасный день шеф усадил своего заместителя в новенькую машину и повез к себе в гости. После роскошного обеда хозяин открыл перед Ахмедом душу:

— Ты знаешь, что я еще с детства мечтал стать писателем. Зачем скромничать? Уже тогда у меня были способности. Помнишь мои статьи в школьной газете? Прелесть! И диссертация моя, все хвалят ее... Вот я и подумал: написал бы ты для меня какой-нибудь роман, поэму или пьесу на худой конец. А протолкнуть я смогу.

Ахмед уронил очки:

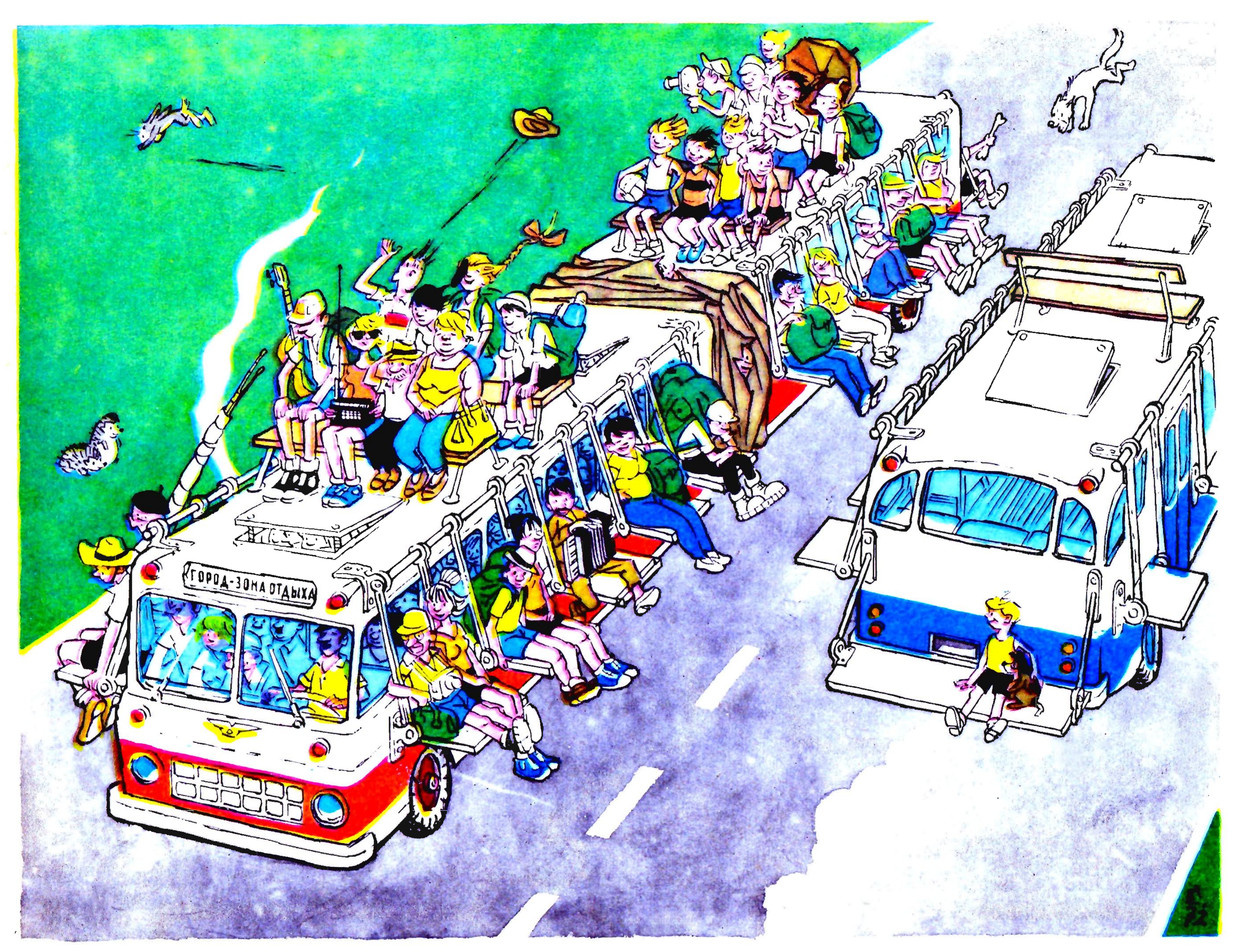
— Да, но я же не писатель.

— Чудак ты: сочинения писал, письма писал, статьи писал, доклады писал, дипломную работу писал, диссертацию писал. А какую-то книжку не можешь?! Разве для этого нужна другая азбука?

Перестал тут Ахмед удивляться и написал заявление с просьбой освободить его от обязанностей заместителя Мамеда и вообще от работы в этом учреждении.

Ахмед вернулся к себе на завод, а Мамед не только получил повышение по службе, но и подобрал себе нового заместителя — человека, долгие годы обивавшего пороги многих редакций в надежде издать что-нибудь из своих сочинений. И вскоре вышла в свет повесть Мамеда «Как я научил своего друга азбуке».

Перевод с азербайджанского.



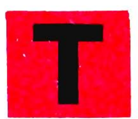
РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ КРОКОДИЛА

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Ян ПОЛИЩУК, специальный корреспондент Крокодила



Встаньте, бюрократ: СУД ИДЕТ!



Так вот. Позвонил мой друг прокурор и без околичностей сообщил:

— Уф, умаялся! Целый день вчера судили бюрократа.

— Натурального? — переполошился я.

— Из плоти и чернил.

Вот уж не думал, что бюрократов судят! В последнее время этот термин вообще стал чуть ли не анахронизмом.

Дело было так. На одну северо-западную железнодорожную станцию прибыл вагон с химикалиями. И надо было его, как это происходило неоднократно, с ходу подцепить к попутному составу. Чтобы не сорвать, значит, график предприятия-заказчика.

А начальником станции был человек въедливой недоверчивости.

— Пока я на означенном объекте,— оповещал начальник весь околоток,— ни одна мышь не проскочит без путевого документа!..

Вообще-то говоря, такая щепетильность достойна всяческой похвалы. Но в данном случае она была ни к чему. В кутерьме транспортных будней начальник как-то не сразу смог разобрать подпись на одной накладной. Этакого незначительного факсимиле, без которого и так было ясно — откуда и куда следует груз и, главное, кто за него в ответе. Однако вместо того, чтобы молодцевато сдвинуть на затылок красную фуражку и свистнуть в свисточек, он принялся сообщаться с дистанциями и инстанциями, требуя новых предписаний и дополнительных распоряжений.

И сколько ни втолковывали начальнику все эти дистанции и инстанции, что надо без проволочек отправить народнохозяйственное сырье, сколько ни твердили ему, что подпись достаточно внятная, он был неприступен, точно водонапорная башня. И только иногда отворял уста, чтобы цыкнуть на нетерпеливых сочным железнодорожным лексиконом:

— Не сифонь! Закрой поддувало!

Короче говоря, вагон как миленький прокантовался на запасном пути больше недели. Заводской график был безнадежно сорван. А чем же кончилась эта история? Чего добился водонапорный начальник? Того, что был отдан под суд. Суд педантично определил стоимость задержанного добра, вычислил проценты и нашел, что государству нанесен весомый убыток. Вышеуказанный начальник был всесторонне наказан и стал нижестоящим стрелочником на запасном пути...

— А если такие неувязки возникают в сфере простых человеческих взаимоотношений? — спросил я.

В голосе моего друга прокурора появились обвинительные нотки:

— Надо и журналистам подковываться... Ведь в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года говорится о том вреде, который может быть нанесен должностными лицами интересам или правам отдельных граждан. Поинтересуйся — и найдешь такие факты.

Дело, о котором мне поведали в Калининской областной прокуратуре, на фоне железнодорожной эпопеи выглядело не очень рельефно. Банально, неприметно, если хотите, буднично. Однако, поразмыслив, я решил, что именно поэтому оно стоит внимания широкой общественности и должностных лиц.

В один достаточно прекрасный день начальник Вышневолоцкой передвижной механизированной колонны треста «Мелиоводстрой-2» Дегтев Георгий Михайлович принял на временную работу двух мастеров — золотые руки. Надо было срочно провести дренаж территории одного совхоза. Понятно, что по такому поводу в трудовых книжках мастеров были учинены соответствующие записи.

Мастера — золотые руки управились с заданием, как пишут в положительных очерках, проворно и в срок. И вообще, говорят, это были славные и корректные мужички. Так вот, управились они, следовательно, в срок и, как было оговорено, подали заявления об уходе. Понятно, что по такому поводу тоже должны быть учинены соответствующие записи в трудовых книжках.

Но соответствующие записи не были учинены. Вместо того, чтобы без затей подмахнуть начальственную подпись, вышеупомянутый Дегтев Георгий Михайлович, образно говоря, выказал себя как махровый бюрократ.

Не хочется возводить напраслину. Контора ПМК никак не походила на канцелярское присутствие. Не было здесь душной тесноты учрежденческих закоулков. Повсюду царила деловая суета. Это был настоящий производственный участок, подлинный, так сказать, форпост строительного треста. Да и сам начальник не смахивал на хрестоматийного чинушу. На первый взгляд это был настоящий производственный деятель, подлинный руководитель-труженик.

Однако была у него одна особенность: любил он помарьяжить, помурыжить, а также помытарить людей. Иначе говоря, не давал никому потачки... Бог знает откуда возникает эта страсть. Науке еще точно неведомо. Из персональных генов, что ли? А может, от должностного честолюбия?

Короче, вышеупомянутый Дегтев Георгий Михайлович заставил уволившихся мастеров в течение сорока дней являться в контору за своими трудовыми книжками. В течение сорока дней бедолаги занимали места в приемной, чтобы подкараулить начальника и выцарапать у него заветную подпись.

Иногда кто-нибудь из них поднимался с насеста и конфузливым шепотом просил напомнить о себе. На что секретарша надменно роняла:

— Вы тут не устраивайте мне митинга протеста! А то не получите книжки ни за какие коврижки...

Так бы и продолжалось это великое сидение до второго пришествия, да хорошо какой-то добрый человек посоветовал изнемогшим мастерам подать в суд, ибо нарушение трудового законодательства было налицо.

И вот в один достаточно пасмурный день Вышневолоцкий народный суд рассматривал иск граждан Халецкого и Заикина к передвижной механизированной колонне треста «Мелиоводстрой-2». В зале было малолюдно и угрюмо. Реденькая компания любознательных с изумлением прислушивалась к тому, как начальник ПМК нес околесицу. Он призывал высокий суд смотреть шире, глубже, выше, так как настоящий-де руководитель призван беспокоиться о всем хозяйстве в целом, а не о считанных штатных единицах...

Суд выслушал обе стороны, а затем вынес решение, по которому передвижная механизированная колонна должна была выплатить гражданам Халецкому и Заикину за задержку их трудовых документов соответственно 618 и 625 рублей.

Острое надзорное око прокуратуры нашло здесь явное соответствие известному нам Указу. И в соответствии с этим соответствием гр-на Дегтева Георгия Михайловича прокуратура привлекла к дисциплинарной ответственности, а также к частичной компенсации нанесенных ПМК убытков.

Кажется, теперь самое время прокричать «Виват!». Но смущает одно маленькое обстоятельство. Смущает то, что в конечном итоге начальнику колонны, нагревшему свою родимую контору на 1 243 рубля, вкатили всего-навсего административный выговор и заставили раскошелиться всего на 100 рублей.

И вообще было бы полезно, если бы бюрократа окружили здоровым полноценным позором и процессы над ним проводились не при реденьком скоплении случайной публики, а при свете софитов и с пространным анонсом в прессе.

И все-таки нелишне прокричать «Виват!». Ведь, как сказали бы классики, лед тронулся, товарищи народные заседатели...

Встаньте,бюрократ: суд идет!

Калининская область.

Юрий БЛАГОВ

Как создавался октет

На днях приехал дать концерт
То ль из Орла, то ль из Иванова
Электро-ритмо-джаз-квартет
Из труб, гитар, бород, манжет
Под руководством Шарля Танова.
Почуяв жажду в поздний час,
Квартет в буфет зашел, и нате-ка:
Там распивал отнюдь не квас
Другой квартет и тоже джаз
Под руководством Воло Сатика.
Совместный вылился банкет
В дебош характера злодейского,
И сформирован был октет,
Что ныне трудится чуть свет
Под руководством Мили Цейского...





Александр ИВАНОВ

Я о себе

Есть слово «я». И нету в том худого,
Что я решил его произнести.
А вот мои два глаза. Изнутри
Они освещены. И всяк в своей орбите.
А вот мой нос. Готов держать пари:
Я человек, я богу равен ликом.
Вот он. Вот я. Никто не отличит!

Евгений ВИНОКУРОВ

Есть слово «я». О нет, я не всеяден.
Оно во мне! В нем суть и жизнь моя.
Я — вещь в себе. И вне себя. Я жаден
До всех, кто осознал значенье «я».
Куда я ни пойду — себя встречаю,
Я сам с собой переплетен в судьбе.
Цитирую, вникаю, изучаю
Себя!
Себе!
Собою!
О себе!

Вот я. Вот нос. И рот. Глаза. Вот ушки.
Чем я не бог? И, бережно храня
Меня в душе, две темные старушки
Перекрестились, глядя на меня.

Я бодрствую. Я сплю. Я снедь вкушаю.
Я — центр и пуп земного бытия.
— А это кто? — себя я вопрошаю.
И сам себе я отвечаю:—Я!

Я озарился мыслью вдохновенной:
Бог — это я! Мир без меня ничто!
— Я — это я! — я сообщил вселенной.
Вселенная сказала:
— Ну и что?..

Мих. РАСКАТОВ

Чего не случается...

...все дворы и переулы
ветер высвистел насквозь.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Ломит зубы, сводит скулы,
я у булочной стою
и горбушу черствой булы
с удовольствием жую.

Со двора уходит осень.
Первоклашки-чудаки
учат басни «Слон и мося»
и «Мартыша и очки».

В эту стужу-непогоду
кучка пьяниц удалых
в подворотне хлещет воду —
поллитровку на троих.

Мой сосед, как лошадь в мыле,
мчит трусцою — благодать!
Он лысеет на затыле,
но под шапой не видать.

Вот пошел снежок из тучи —
Нас снежинами пленил...
Извините, в авторуче
почему-то нет чернил...

Михаил ГЛАЗКОВ

Портос и Христос

Я увидел богородицу
Троеручицу.

Николай ПАНЧЕНКО

Когда в кругу друзей, прошу прощенья,
Произношу подряд двадцатый тост,
Во мне тотчас находят воплощенье
Атос, Портос и, кажется, Христос.

Мне кумовья — архангелы святые,
Лишь только свистну — вмиг ко мне спешат.
А с непорочной девою Марией
При всем честном я пью на брудершафт.

Аз есмь пророк, и алтарем мне — печка,
Я, может статься, врубелевский Пан,
А здравый смысл мне — словно богу свечка
Иль, скажем, богородице кафтан.



ОТЦЫ И ДЕТИ

— Мы за такую семейственность!
— Никакой проблемы отцов и детей нет!

Высказывания подобного рода можно было услышать 7 июня 1972 года в московском кинотеатре «Фитиль». В этот день открылась выставка «Только сорок работ» народного художника РСФСР Аминадава Каневского и Володи Каневского. Отца и сына. Большого, заслуженного и признанного мастера графики и молодого художннка, у которого все это еще впереди.

Посетнтели увидели много известных работ из журналов «Крокодил» и «Веселые картинки», иллюстрации к книгам. Яркое и веселое это было зрелище! Впрочем, слово «было» не совсем точно, так как выставка продолжает работать, в чем может убедиться наждый, кто захочет ее посмотреть.

«АВТОГРАФ НА ВОБЛЕ»

Один москвич, недавно вернувшийся из Астрахани, три дня не мог приступить к работе: его то и дело одолевалн сослуживцы с просьбой поделиться привезенной воблой. Но, увы, он лишь с горечью сообщал, что воблы в Астрахани нет и что по этому поводу смеются все волжские юмористы. Разумеется, и астраханский журналист Юрий Селенский не мог пройти мимо этого факта и даже написал рассказ «Автограф на вобле», давший название его сборнику, выпущенному Нижне-Волжским издательством.

Зато мы можем утешиться, прочитав книжку Ю. Селеисного: в ней много симпатичных рассказов о рыбаках-профессионалах, которых на Волге много, и рыболовах-любителях, которых иа Волге еще больше.



— Район у меня хороший, тихий. А главное, до суда рукой подать...

Рисунок Е. ГУРОВА



СНАЙПЕР ПОНЕВОЛЕ

Рисунок В. ЖАРИНОВА



— Держись, ребята, прорываются!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Леонид ЛЕНЧ

Рассказ





Некто Журавелин Петр Степанович, гуманитарий, пришел домой после работы очень расстроенный, возбужденный, с красными пятнами на интеллигентно бледных щеках и жалобно сказал своей жене Серафиме Игнатьевне (она уже накрывала на стол):

— Серафима, я только что перенес большую душевную травму. Меня до сих пор всего как-то знобит. Мне нужно успокоиться.

— Прими экстракт валерьянки. Я сейчас принесу.

— Нет, нет! Я надеюсь, у нас в доме есть водка? Я выпью одну рюмочку.

Серафима Игнатьевна недовольно пожала сдобными плечами и пошла к буфету, а Журавелин принялся быстро ходить по комнате, повторяя:

— Негодяи!.. Ах, какие негодяи!

Потом он сел, ткнул вилкой в капустный салат и, от расстройства чувств ничего не подцепив, нервно бросил пустую вилку на стол.

— Негодяи!.. Нет, ты только подумай, какие негодяи!..

— Расскажи же, в чем дело?

— Сейчас, Серафимчик, дай мне еще полрюмки, я не совсем успокоился.

— Не дам! Говори скорей и короче, не играй на моих нервах!

— Понимаешь, я сейчас зашел в наш магазин,— стал рассказывать Журавелин,— который на углу, знаешь? Хотел купить селедочку к обеду, что-то меня потянуло на солененькое. Стою в очереди в рыбном отделе. И тут на моих глазах разыгралась возмутительная сцена. Продавщица грубо наорала на какую-то старуху покупательницу. Я, конечно, вступился за нее, тогда эта халда в берете (Журавелин мимически изобразил халду и ее берет) обругала и меня «дохлым нототением». Я потребовал жалобную книгу, мне ее не дали, но... ничего, я ей покажу, я ее проучу, она у меня получит... дохлого нототения!

— Обожди! — остановила мужа Серафима Игнатьевна.— С какой продавщицей ты поругался? Такая хорошенькая, румяненькая?

— Да, такая красномордая! Мне все-таки удалось узнать ее имя и фамилию, я записал... Вот— Татьяна Наумова.

— Так это же моя Таня! — сказала Серафима Игнатьевна.

— Какая Таня? Почему она твоя?

— Потому что я ее знаю и она меня тоже знает. Всегда здоровается первая: «Здравствуйте, Серафима Игнатьевна!» И всякие одолжения мне делает... оставляет свежую рыбу, когда привозят... И так далее. Ну, конечно, я ей тоже... когда духов дешевеньких суну, когда рублевку. Угораздило же тебя поругаться именно с ней! Не мог с какой-нибудь другой продавщицей поругаться!

— Но ведь не другая, а она хамски орала на старуху. Теперь оказывается, что она еще и взяточница! Оч-чень хорошо! Я этот мотивчик тоже... отражу.

— Что ты хочешь сделать?

— Напишу письмо в газету! — твердо сказал Журавелин.— А копию в народный контроль. Таких, как твоя Таня, надо гнать вон из советской торговли. Меня мороз по коже дерет, когда я вспоминаю, как она орала на эту бедную старуху... Дай мне еще полрюмки, Серафима!

— Не дам! Надо, между прочим, еще разобраться, почему она на старуху кричала. Если эта старуха похожа на твою мамочку...

— Попрошу не трогать мою маму! — закричал дурным фальцетом Журавелин и бухнул кулаком по столу. Серафима Игнатьевна засмеялась ненатуральным сценическим смехом и сказала:

— Что тебе даст это письмо? Ничего! Танька отвертится, а у меня с ней будут навсегда испорчены отношения.

— Она же не знает, что я твой муж!

— Шила в мешке не утаишь. Ты подпишешь свое письмо? Подпишешь. Начнутся всякие расследования. Я Тане говорила, что у меня муж работает в театре. И даже пропуск ей как-то устроила. Через Володю.

— Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не смела без моего ведома обращаться к Володе!

Серафима Игнатьевна надула губки и отвернулась. Потом сказала:

— Петруша, я тебя очень прошу... не пиши письмо. Не надо огорчать бедную девочку!

— Это не девочка, а бандит в мини-юбке! Обязательно напишу. Мне совесть моя общественная велит это сделать.

— Скажите, какой чуткий общественный деятель! А огорчать родную жену — это тебе твоя общественная совесть позволяет, да?..

Журавелин поднялся, сказал решительно: «Письмо будет отправлено по назначению сегодня же!» — и ушел в свою комнату, оглушительно хлопнув дверью. Он сел за письменный стол, достал бумагу, взял авторучку и стал писать письмо в редакцию газеты. Написал, прочитал — не понравилось. Разорвав бумагу, он бросил письмо в корзину и стал писать снова. Написал, прочитал,— опять не понравилось. В животе у него бурчало от голода, в голову полезли скользкие, как ужи, мысли.

«А может быть, права Серафима? Что-то есть глупое, донкихотское в таких письмах. Черт с ней, с этой Таней! В конце концов не она первая, не она последняя! Надо помириться с Серафимой... Тем более, что ужасно есть хочется, а пойти и самому хозяйничать на кухне нехорошо».

Он поднялся, открыл дверь и позвал:

— Серафима!

Молчание.

Голос Журавелина стал кротким и тихим, как шелест тростника при тихом ветре:

— Серафимчик!

В столовой появилась Серафима Игнатьевна — глазки опущены, руки сложены за спиной, вся — прелесть, мир и очарование.

— Давай мириться, Серафимчик! — нежно сказал Журавелин. Он поцеловал жену в тугую щеку.— Не буду я писать письмо. Ты сама скажи этой халде, что нельзя на старух кидаться и орать.

— Нет, ты напишешь письмецо, Петруша! — сказала Серафима Игнатьевна, возвращая мужу поцелуй.— Вот я тут набросала, ты отредактируй и подпиши.

Журавелин взял бумагу и стал читать:

— «Таня Наумова... хороший, примерный работник прилавка... вежлива с покупателями...» Зачем это, Серафима?!

— Петрушенька, ты пойми... эта старуха сама от себя, конечно, тоже напишет, надо как-то предупредить и самортизировать ее письмо. Понимаешь?

Глаза Серафимы Игнатьевны были такие умоляющие... Журавелин взял письмо и... подписал!

Ел он с большим аппетитом.

МИМОХОДОМ

— Честное слово! — крикнул лжец.
— Не верю! — отозвалось эхо.

Б. КАЛАШНИКОВ

Как медленно мы взрослеем и как быстро старимся!

Б. ЛЕСНЯК

О человеке судят не только по его делам, но и по его делишкам.

В. СИТНОВ

Объявление: «Нужны горящие путевки. Звонить — 01».

О том, что зря гнул спину, узнаешь, только разогнувшись.

* * *

Жалоба: «Он стал на мою личную точку зрения...»

* * *

— Ох, и начитался я сегодня чужих мыслей, — сетовал телепат.

С. МАРКОВ



— Не губите, ведь ему, наверное, уже лет двести!
— А вот мы сейчас точно узнаем.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Вл. ЛИФШИЦ

Летне-спортивные миниатюры

ФУТБОЛЬНОЕ

Он на трибуну взял пол-литра
Не кахетинского, не сидра,
И уж, конечно, не ситра.
Когда же началась игра
И шли вперед то те, то эти,
Он водкою «залил шары»
И тайм второй провел в пикете,
Как говорится, вне игры.

ШТАНГА

Мне штангу
весом
свыше ста кило
Не то, чтобы поднять,—
И видеть тяжело.

ЛУЧШАЯ ИГРА

Спортивных игр — десятки!
Ваше мненье —
Какой игре
Отдать бы предпочтенье?
Вы вспомните хоккей,
Футбол... Не то!..
Из всех спортивных игр
Всех лучше «Спортлото».

КРОКОДИЛЬСКАЯ • АВТО • ИНСПЕКЦИЯ

Андрей КАРАСЕВ, Сергей РЕВЗИН

Знаки запинания

У въезда в город, словно гору,
Мы видим колоссальный щит.
«Добро пожаловать
в наш город!» —
На нем приветствие гласит.
Мы бодро движемся вперед,
Проникшись радостным сознаньем,
Что нам оказан зиак вниманья
Еще у городских ворот.
Но вот висит какой-то зиак...
Какой — нельзя понять никак:
Не рассмотреть, поскольку он
Висит, иичем не освещен.
Мы, удивленные чуть-чуть,
Решаем свой продолжить путь.
Вдруг раздается звонкой трелью
Свисток инспектора ОРУД.
Нас задержали с ясной целью:
За нарушенье штраф берут.
— Что мы нарушили, однако?
— А надо знаки соблюдать!
— Сержант, но никакого знака
Тут что-то рядом не видать!
Инспектор важен и солиден,
Он указует нам рукой:
— Знак за листвой сейчас
не виден,
Его повесили зимой.
И, удивясь еще чуть-чуть,
Мы снова продолжаем путь.
А это что вверху красуется?
Гирляндой красочной над улицей
Сто знаков. Каждый зиак — запрет:
«Проезда иет», «Стоянки нет»,
«Нельзя туда», «Нельзя сюда»,
«Не превышать»,
«Нет разворота»...
Глядим, как (кто — вам ясно, да?)...
Глядит на новые ворота.
От знаков голова трещит,
И нам уже совсем не дорог
Тот самый колоссальный щит:
«Добро пожаловать
в наш город!»

ПРИСТОЛБИЛИСЬ...

Замечено, что километровые, придорожные, а также уличные столбы-опоры всегда остро враждовали с автомобильным транспортом. При этом столбы, как правило, выходили победителями из самых жарких схваток. Независимо от того, в какой степени алкогольного опьянения находились водители машин или пешеходы, двигавшиеся по мостовой.

На этих снимках запечатлен апофеоз подобных уличных битв. Как видите, все четыре водителя избрали слишком лобовой вариант нападения на правила движения.

Виталий АЛЁНИН

Рассказ

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ

Мои новенькие «Жигули» я осваивал с помощью моего многоопытного друга Коти. Он сидел за рулем и поучал меня...

— Значит, так,— скрипел Котя,— главная задача шофера-любителя — улаживать конфликты с представителями Госавтоинспекции. Иначе твой талон предупреждений уже в ближайшие месяцы станет похожим на дуршлаг — столько в нем будет отверстий...

Я внимательно слушал Котины наставления. Котя прибавил газу...

— Вот сейчас мы сделаем левый поворот,— сказал он,— но представим себе что, сделав это, мы не обратили внимания на знак, предписывающий на этом перекрестке поворачивать только направо.

Котя сделал левый поворот и продолжал развивать свою мысль:

— Итак, повернув налево там, где можно поворачивать только направо, мы немедленно услышали бы требовательный свисток инспектора, настойчиво приглашающий нас на переговоры... Что в этом случае ты должен делать?

Котя не успел ответить на свой вопрос: громкий милицейский свисток прервал его мысль.

— Котя,— сказал я,— по-моему, мы действительно повернули налево у знака, который показывает, что поворачивать можно только направо.

— Тем лучше,— сказал Котя,— тебе выпала редкая удача увидеть мою систему в действии.

Котя поставил машину у тротуара, и мы суетливо побежали на рандеву с представителем власти.

— Что же это вы? — укоризненно произнес симпатичный молодой инспектор.— Нехорошо!

— Да вот как-то так...— словоохотливо пояснил Котя и радостно улыбнулся.

— Знак видели?

— А как же его не видеть? — еще шире расплылся в улыбке Котя.— На то он и знак, чтобы его видеть... Грош мне цена, если бы я знака не видел...

— Хорошо, хорошо! — прервал его инспектор.— Почему же нарушили?..

— Вот, вот,— обрадовался Котя,— вот мы и подошли к самому главному... Скажу прямо: я ждал этого вопроса. Он не мог у вас не возникнуть. Он, этот вопрос, уже давно назрел, и, чего скрывать, именно нам с вами предстоит его решить. Как говорится: или — или! Третьего не дано!.. Итак, вы спрашиваете...

— Я спрашиваю: почему вы сделали левый поворот там, где знак предписывает поворачивать только направо?

— Простите,— строго прервал его Котя,— простите, но мне кажется, что вы упрощаете. Все далеко не так просто. Да, знак показывает, что поворачивать нужно только направо. Против этого спорить трудно. Но теперь разрешите вас спросить: откуда вы видели, что я повернул налево?

— Со своего поста, с середины перекрестка.

— Прекрасно. Пожалуйста, следите за моей мыслью. Это очень важно. Итак, вы стояли лицом ко мне. Куда же я повернул?

— Налево.

— Это в том случае, если вы поставите себя на мое место. Но тогда для меня будет слишком много чести. Нас тысячи, вас единицы. Нет, не вы, а мы, водители, должны ставить себя на ваше место — на место мужественных людей, днем и ночью охраняющих нашу безопасность. И я обязан, понимаете, обязан приподняться над узким кругом личных взглядов и посмотреть на все, что меня окружает, вашими глазами... И я посмотрел...— Котя говорил приподнято, вдохновенно, и глаза его блестели.— Я понял: то, что лично для меня, как индивидуума, означает «направо», для вас, стоящего на перекрестке ко мне лицом, означает прямо противоположное... Мне было трудно, но я сумел себя преодолеть...

— Но знак не для меня, он для вас...— чуть-чуть растерялся инспектор.

— Правильно, — подхватил Котя и подмигнул мне,— он для нас, но я глубоко убежден, что мы должны смотреть на него вашими глазами — беспокойными глазами людей, стоящих на страже наших интересов.

— Разрешите ваши права! — тихим голосом попросил ошарашенный инспектор.

— Вот видите, вы говорите — права! — горько сказал Котя.— Права у нас есть. Широкие, необъятные права. Но мы должны помнить не только о своих правах, но и об обязанностях... А вот об этом мы порой забываем... Забываем, дорогой товарищ. И это стыдно. Вы видите, я заливаюсь краской стыда. Поэтому, будь я на вашем месте, я чаще напоминал бы нашему брату-водителю не о правах, а именно о наших обязанностях — обязанностях прогревать двигатель перед пуском и проходить технический осмотр. Но это не все. На нас лежит высокая обязанность своевременно включать указатели поворота, не обгонять, если не уверен, и соблюдать рядность движения. Вот когда мы всего этого достигнем, тогда каждый из нас сможет сказать: я сделал все, к чему обязывает меня высокое звание шофера-любителя. Спасибо за беседу, дорогой товарищ. Не нужно меня провожать... Мы поехали...

Котя сделал попытку развернуться налево кругом, но инспектор требовательно протянул руку.

— Все это было очень интересно, — улыбнулся он, — но права ваши вы мне все-таки предъявите...

У Коти вытянулось лицо, и он протянул инспектору серую книжицу. Его талон предупреждений был похож — нет, не на дуршлаг,— на терку для хрена, столько в нем было аккуратных кругленьких отверстий...

...На обратном пути за рулем сидел я. Котя понуро молчал.

— Да, — мрачно вздохнул он, — система моя дала трещину. Нужно искать новую. Вот если мне вернут мои права, сразу займусь разработкой.

— А чего там разрабатывать? — сказал я.— Есть уже одна система, надежная, проверенная: если виноват, говори, что виноват. И все... Или еще один выход: не нарушать правил.

— А ты знаешь, здесь что-то есть,— оживился Котя.— Странно, что мне до сих пор это не приходило в голову!

— Пожалуйста, притормози, Вася. Я прочту, что там написано.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

С НОГ НА ГОЛОВУ



Чтобы представить себе, как выглядела эта машина прежде, достаточно перевернуть журнал вверх ногами.

Правда, журнал перевернуть гораздо легче, чем придать нормальное положение грузовику. Без мощного крана здесь не обойтись. А ведь кто поверит, что столь сложное сальто сделал обыкновенный и даже не слишком трезвый человек простым поворотом баранки!

Хитроумная задачка

Попробуйте тряхнуть стариной и решить такую школьную задачку.

Автомобиль проезжает 90 километров за час. За сколько времени он проедет два километра?

По правилам арифметики ответ получится — 1,33 минуты.

Ответ из тюменской действительности — 1 час.

Поясню. Девяносто километров — это расстояние от Ялуторовска до Тюмени. Два километра (с маленьким хвостиком) — отрезок въезда в город мимо Камвольно-суконного комбината до Холодильной улицы.

Вот на этот-то участок и приходится основной лимит времени. Во-первых, очень уж трудно здесь преодолеть глубокие и залитые грязью ямы. А во-вторых, за пешеходов боязно: они ходят не по тротуарам, а по проезжей части, поскольку тротуары до сих пор не проложены.

А. ТОКАРЕВ, шофер

г. Тюмень.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Также был подвергнут штрафу шофер автобазы № 5 И. С. Киркин за езду без колес, в результате чего была повреждена часть дороги».

Газета «Знамя коммунизма», г. Искитим.

«Дорога была широкая и свободная, никто не мешал ехать. Я задумался и смотрел только вперед.

Невольно вспомнились слова Н. В. Гоголя «И какой русский не любит быстрой езды», а рядом оказалась автомашина службы безопасности движения Рижского таксопарка, за что и появилась запись в путевом листе: «Превышение скорости, ехал 80 км в час».

(Из объяснения водителя такси). Прислал И. Каминский, г. Рига.

«ДОКЛАДНАЯ

Довожу до сведения членов правления колхоза о том, что во время запоя или свадьбы у Алексеева А. А. в бригаде № 1 у трактора МТЗ-52 сжевали заднее колесо, вернее, баллон. Стоимость 170 рублей».

Копию снял Ю. Морев, Оренбургская область.

Водитель меняет профессию

Не так давно шофер из города Узловая, Тульской области, А. В. Грибков стал на время пешеходом.

Но, прежде чем стать пешеходом, он сел в поезд и приехал в Москву к дяде.

Это событие, естественно, дядя и племянник отметили достойно.

Однако в ходе отмечания обнаружилась немаловажная деталь: закуска осталась, а выпивка кончилась.

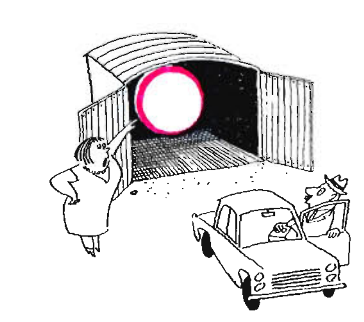
Племяш предложил такой вариант: он идет в магазин, а дядя стережет закуску. Но дядя с этим категорически не согласился и предложил идти вместе: город большой, еще, не дай бог, племяш под машину угодит.

В процессе приобретения спиртного стороны пришли к соглашению: черт с ней, с закусью, пьем здесь, покуда выпивка не выдохлась.

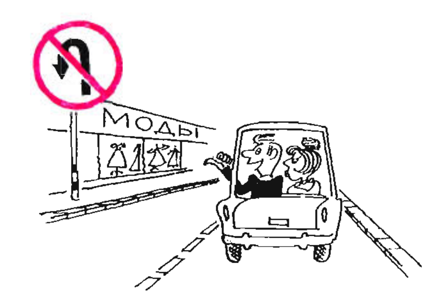
Пили на месте, у магазина, и беседовали. Племянника потянуло на мостовую...

...Очнулся он в больнице.

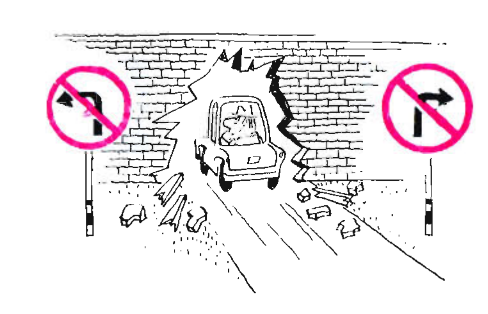




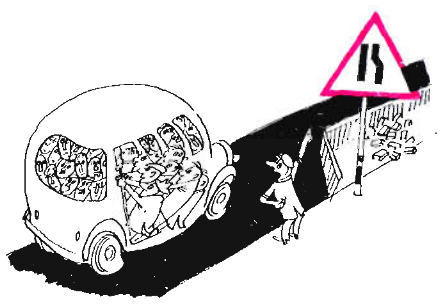
— Имей в виду, дорогой, здесь сквозного проезда нет!



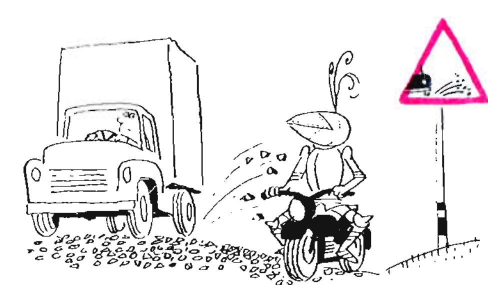
— Извини, но придется проехать мимо.



ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД



— Вы на знак-то посмотрите!



ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ

ПОПРАВКА К РЕКЛАМЕ



Объявление зовет и манит:

ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ПУТЕШЕСТВИЯ, РАЗНООБРАЗНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

...И ХОРОШАЯ ПОСТОЯННАЯ РАБОТА.

Реклама на всю страницу английского журнала «Уикэнд». Фото и тексты сулят море удовольствий. Но, чтобы окунуться в это море, оказывается, надо не раздеваться, а, наоборот, одеться... в форму английского солдата. Поскольку же охотников сменить гардероб весьма негусто, рекламодатель жмет на все педали.

Безработица черной тенью бродит по Британским островам? Да, но ведь в казармы она не заглядывает. На это и бьет реклама:

«Вы будете выполнять интересную, разнообразную работу. И обретете уверенность в том, что в течение трех, шести или девяти предстоящих лет — в зависимости от избранной вами специальности — вам гарантировано жалованье за полную рабочую неделю.

Это действительно надежная работа и к тому же весьма привлекательная. Она насыщена активностью. Вы бодры и здоровы, так как проводите много времени на свежем воздухе. И для каждого, кто имеет соответствующие способности, перспективы продвижения по службе неограниченны. Если вы подходящий для этого человек, вам вскоре предложат ответственную работу с повышенным жалованьем.

И не думайте, что вас научат только обращению с винтовкой. В наши дни солдат должен знать и уметь многое. Армия предоставляет в этом отношении великолепные возможности...

Итак, если вы хотите получить работу, которая даст вам уверенность в завтрашнем дне, чувство безопасности, создаваемое полной и гарантированной зарплатой, вам следует выяснить в деталях условия вступления в кадровую армию Великобритании. Зайдите в информационный пункт...»

В информационных пунктах охмуреж продолжается на высоком полиграфическом уровне: здесь в большом выборе зазывные иллюстрированные брошюры. Они сулят путешествия по всему миру, а также спортивные лавры: «Спорт, на который отводится половина дня, делает солдата здоровым и бодрым».

Но, идучи на вербовочный пункт, доброволец вместо армейских реклам и иллюстрированных брошюр может невзначай просмотреть две-три газеты. А из газет возникает несколько иная картина жизни английского военнослужащего. Если скомпоновать газетную фотохронику и снабдить ее рекламными текстами, получится плакат, заметно отличающийся от первого:



Чтобы разгонять демонстрантов в североирландских городах, нужно уметь обращаться с оружием. Эти броневики оснащены превосходными пулеметами с радиусом поражения в 2 мили. Стрельба по живым мишеням — лучшая практика для тех, кто хочет овладеть искусством убийства безоружных людей.

Видите, как метко стреляли по демонстрантам английские солдаты в ольстерском городе Дерри? Почему бы вам не принять участия в подобных увлекательных приключениях?



В британской армии учитывают ваши склонности (в пределах возможного, конечно). Если вы интересуетесь археологией, вас немедленно пошлют в Ольстер. Там вас ждут великолепные свеженькие развалины в католических гетто.

Хотите бесплатно посетить экзотические места? Вступайте в британскую армию.

Вот в этой древней живописной крепости, находящейся на Аравийском полуострове, много лет жили английские солдаты. Здесь был штаб английских войск, расквартированных в эмирате Абу Даби. Сейчас, правда, английские солдаты в крепости не живут: попросили их со всего арабского побережья Персидского залива. Но еще кое-где кое-что от осколков бывшей Британской империи осталось. Может быть, и вам предоставится возможность пожить на каком-нибудь далеком островке. Когда вам все-таки придется чесать и оттуда, вам очень помогут ежедневные занятия спортом.





Гарантированное жалованье вселяет уверенность в сердце английского солдата. Правда, иногда он не может получать его в течение всего срока контракта. Интриги местных жителей, не желающих подчиняться колониальной политике Лондона, могут, как это ни прискорбно, преждевременно прервать карьеру человека в мундире, имевшего такую надежную и привлекательную работу.

В этом случае его с почетом и цветами похоронят коллеги.

Кровь. Разрушения. Ненависть. ...и похороны с цветами.

И. ПОГОДИНА

УМЕР ЛИ САЛАЗАР?

Судьба в причудливом порядке отбирала свои дары у дряхлого португальского диктатора Салазара. Прежде чем расстаться с жизнью, старик утратил память и разум, но зато в полной мере сохранил способность обижаться. И вот, чтобы не обижать выжившего из ума старца, его подручные устроили театр одного зрителя со множеством актеров. Зрителем был возлегавший на одре Салазар, актерами — его министры. Дряхлый старик давно уже не правил страной, но перед ним ломали комедию послушания. Выглядело это приблизительно так.

Подходил к кровати министр внутренних дел, кланялся в пояс Салазару и, пряча глаза, вопрошал:

— Какие будут указания, вашество, на сегодня?

— Почему до сих пор не надели намордники на португальцев? Я тебя спрашиваю!

— Да ведь они и так рта раскрыть не смеют!

— А все же для верности намордники не помешают. Мужчинам железные, дамам кожаные. Исполняйте!

— Слушаюсь, вашество. Сделаем даже с замочком. Каждый будет носить на лице свою мини-тюрьму. Гениально, вашество!

Нарочито дрожа, министр внутренних дел робко пятился к двери, а выйдя, улыбался и, потирая потные ручки, посмеивался над стариком. Потому что зловещая тайная полиция ПИДЕ с ее тотальной слежкой и гарротой — машинкой для медленного удушения — делала свое черное дело лучше всяких персональных намордников.

Салазар долго не протянул и скончался, как он полагал, премьер-министром.

Но комедия на этом не кончается. Это только завязка.

Еще когда Салазар, утопая головой в подушках, бредил последним бредом, поползли слушки о либерализме, послаблениях. Ах, когда же люди перестанут верить вздорным слухам? «В первые месяцы своего правления новый режим сделал вид, что берет левее, но начал поворот вправо... Смятение полное»,— пишет французский журналист Эдуард Бэльби, только что побывавший в Португалии.

Но будем справедливы и не слишком придирчивы. Все же существенные изменения в жизни страны произошли. Например, вывеска с четырьмя страшными буквами ПИДЕ (политическая полиция), которая с 1926 года заставляла трепетать всю страну, сменилась вывеской с буквами ДГС (генеральная дирекция безопасности). Теперь португальцам нечего трястись, они в полной безопасности. Ведь ПИДЕ-то не существует! В ПИДЕ было четыре буквы, а в ДГС только три. Перемена кардинальнейшая! Ура!

Но вот перед нами сцена в лиссабонском кафе.

Два португальца отхлебывают кофе из чашечек, почитывают газеты и вслух обмениваются мнениями (что с их стороны весьма легкомысленно и просто опасно).

— Какое счастье! У нас теперь свобода слова и печати! Слушайте, что пишут: «Наиболее важная из реформ, обещанных правительством,— закон о свободе печати, который вольет свежую струю в общественную жизнь страны».

— Вот благодать-то настанет! Неужто я смогу сказать громко, без опаски, что курс Салазара продолжается без Салазара?

Перед столиком вырастает квадратная фигура сеньора в черных очках.

— Прошу пройти со мной. Я из ДГС. (Надевает на говоруна наручники.)

— Но у нас либерализация! Весна политических надежд! Отпустите!

— В ДГС тебе растолкуют про времена года и на всякий случай пересчитают ребра.

— Неужели будут бить? Ведь это в ПИДЕ считали ребра!

— В ПИДЕ считали, а в ДГС пересчитывают. На всякий случай, чтоб ошибки не вышло.

Тот же Эдуард Бэльби свидетельствует в газете «Экспресс», что полномочия ДГС остаются неограниченными, а начальники — прежними.

Так в чем же дело? Может, Салазар и не умер? Может быть, старик тоже лишь сменил вывеску и продолжает править страной под другой фамилией?

А. ГЛУХОВСКИЙ

Е. ЦУГУЛИЕВА

ХИППИ

Недавно вместе с крокодильским художником В. Шкарбаном мы побывали в Дании.

В городах Зеландии, Ютландии и на острове Фюн мы видели буйно-волосатых молодых людей, одетых странновато и диковато. Много курящих подростков. Лохматые курильщики и курильщицы располагаются лагерями у городских стен. Немало девушек 12—14 лет с трубкой в зубах.

— Почему вы курите трубку? — спросила я одну.

— Потому что трубка менее вредна, чем сигареты,— был ответ.

Нам захотелось протереть глаза, когда посередине одной из центральных площадей Копенгагена мы увидели парочку хиппи, привольно устроившихся здесь, на виду у всех. Сомневаюсь, чтобы родителям было очень приятно видеть своих детей такими. Но, наверное, теперь уже трудно «повернуть» их в другую сторону.

Вспоминается посещение датского детского сада, где основное правило — ничем не стеснять свободы детей.

— Мы не навязываем им свою волю,— сказала воспитательница,— они делают все, что хотят.

Настоящее бедствие страны, ее тяжелый крест — это наркоманы. Они производят тягостное и страшное впечатление.

Вдруг ни с того ни с сего на улице мимо вас с диким воплем проносится необычная фигура. Безумные глаза, всклокоченные длинные волосы, фантастический беспорядок в одежде. Фигура бежит стремглав неведомо куда, никого не замечая. Это наркоман под влиянием зелья — марихуаны, героина или еще какой-нибудь пакости. Его обуревают видения. В такие минуты он опасен и может натворить все, что угодно...

Глядишь на такого и думаешь: «А может быть, когда-то его добренькие родители тоже не считали нужным «навязывать свою волю» любимому чаду...»



Владимир БОЛЬШАКОВ



Как-то мы заспорили с одним знакомым американским журналистом: он утверждал, что питекантропы есть, а я убеждал его, что таковых нынче в природе не существует.

— Дело в том, что их не там и не так ищут,— ответил мой американский коллега. — Питекантроп, старина, совсем не такое страшилище, каким рисуют его иллюстрированные журналы. От обычных людей он отличается не столько видом, сколько пещерным мышлением. Все спорные вопросы он решает не иначе, как с помощью кулака и дубины. Убить человека ему не сложней, чем тебе — муху. Ну а тем, кто его булыжный образ мышления не принимает, кто считает, что есть аргументы куда гибче, чем дубина (скажем, переговоры), он не доверяет и готов перегрызть им глотку... Питекантропы живучи, старина. И не всегда их сразу обнаружишь, разве только когда они начинают вопить во все горло, требуя крови.

— А ты хоть кого-нибудь из них видел?

— Ну, конечно! У нас в США во времена «холодной войны» этой живности развелось предостаточно. На иных заседаниях конгресса даже бывало трудно понять, в какое время живешь — в доисторические времена или в двадцатом веке.

Этот разговор мне невольно вспомнился, когда из США стали поступать первые отклики на результаты советско-американских переговоров в Москве. Общий тон этих откликов был деловым и доброжелательным. Однако вести из Москвы явно не устраивали тех, кто, по выражению газеты «Нью-Йорк пост», не собирался «отказываться от своей давней страсти к антикоммунистическим крестовым походам».

Поклонники «холодной войны» протрубили общий сигнал тревоги еще до отлета президента Никсона в Москву. В американской прессе замелькали тревожные сообщения. За несколько дней до отъезда президента Никсона в Москву в самом центре Нью-Йорка был обнаружен древний обезьяно-человек, в целях маскировки вырядившийся священником. Он гонялся за прохожими и подсовывал им на подпись петицию с призывом лечь костьми, но не допустить переговоров с коммунистами... Питекантроп назвался Карлом Маккинтайром, лидером ультраправого «Антикоммунистического похода христиан»...

Как только в печати появились первые вести о деловом ходе переговоров, вылазки питекантропов были зафиксированы одновременно сразу в нескольких местах.

В аризонской пустыне среди ночи раздался нечеловеческий вопль. Затем послышались звуки, отдаленно напоминающие битье стекол. Прибывшие на место происшествия газетчики обнаружили брошенную стоянку питекантропа. Вокруг валялись обломки изрубленного каменным топором телевизора, изорванные в клочья утренние газеты и глобус, из которого зубами были вырваны Азия и половина Европы. Посланный по следам босых волосатых лап вертолет обнаружил двуногое существо, с огромной скоростью двигавшееся в сторону Вашингтона. Через несколько часов следы существа были обнаружены на Капитолийском холме. Они вели к трибуне сената, на которую взгромоздился сенатор от штата Аризона Барри Голдуотер, общепризнанный лидер американских бешеных. Он произнес короткую, но энергичную речь, суть которой сводилась к тому, что соглашение о сокращении вооружений между СССР и США следует разорвать так же, как все номера всех газет, приветствующих это соглашение.

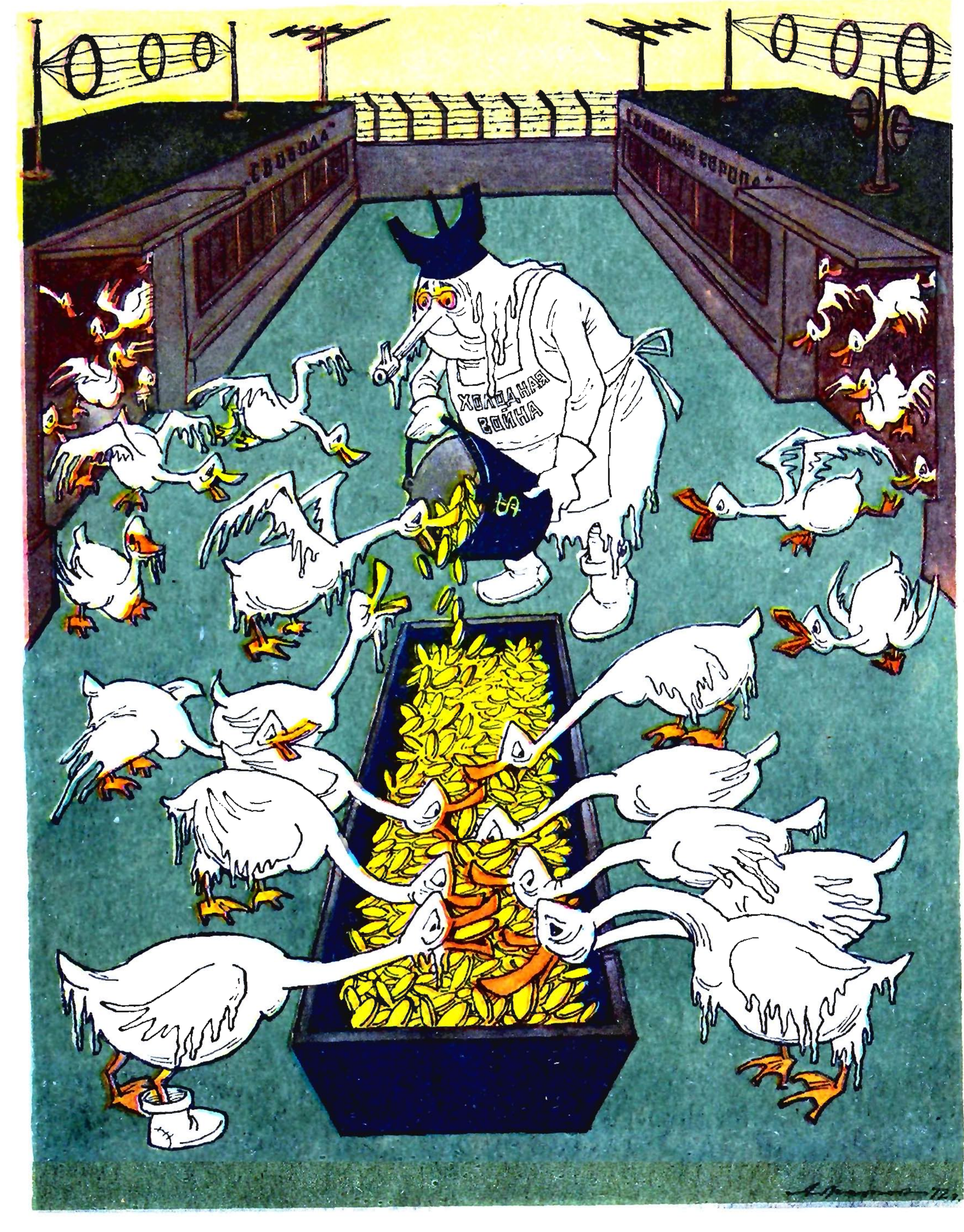
Примерно в тот же день корреспонденты заметили необычные перебежки питекантропов в военной униформе. Они курсировали между Пентагоном и офисом сенатора Генри Джексона. Заглянувший в щелочку офиса репортер рассказывал потом по секрету, что питекантропы во главе с Джексоном отплясывали «танец войны» с моделями ракет и бомбардировщиков в руках. На полу офиса был разложен костер из газет, опубликовавших тексты соглашений между СССР и США. Уже на следующий день сенатор Джексон выступил с трибуны конгресса, обвинив Белый дом в «тайном сговоре с русскими» в ущерб интересам США.

К своему удивлению, американцы обнаружили, что по Америке до сих пор расхаживают целые стаи ультрапитекантропов, которых многие считали давно вымершими. Оказалось, они настолько успешно приспособились к американской действительности, что долгое время вполне сходили за нормальных людей и даже попадали на выборные должности. Один из них, член палаты представителей и по совместительству член «Общества Джона Берча», Джон М. Эшбрук, выступая против подписанных в Москве соглашений, дошел, по свидетельству газеты «Дейли уорлд», до настоящей истерики.

Не обремененные интеллектом обезьяно-человеки начали усиленную кампанию по «промыванию мозгов» американцам. За ходом этой кампании внимательно следит специальный орган ультра, именуемый «Хьюмен ивентс». Итог московских встреч для этого журнальчика — что каменный нож в сердце. И поэтому «Хьюмен ивентс» писал в своем номере от 27 мая: «Никсон в Москве делает Советскому Союзу самый настоящий подарок, обеспечивая этому коммунистическому колоссу ядерное превосходство на многие годы вперед. Одним махом Соединенные Штаты навсегда убирают ядерный защитный зонт, который они держали над своими союзниками, и одновременно ставят под вопрос наш собственный шанс на выживание».

Напрасно трезвомыслящие конгрессмены и журналисты пытались убедить питекантропов в том, что безопасности Соединенных Штатов никто не угрожает и что подписанные в Москве соглашения никому не дают односторонних преимуществ. Питекантропы по-прежнему брызжут слюной, требуя бесконечного пополнения арсенала атомных дубинок.

Что с них взять? Дикари!..



НА ПТИЦЕФЕРМУ «ПРОВОКАЦИЯ»
ИДЕТ СОЛИДНАЯ ДОТАЦИЯ...
ПОНЯТНО: СТАЯ ЭТИХ ПТИЦ —
ПОД КРЫЛЫШКОМ У ВАЖНЫХ ЛИЦ

Рисунок М. АБРАМОВА

Гизо НИШНИАНИДЗЕ

ДОБРОЙ НОЧИ!

Спальня с ночником. На кровати спит Нико. Раздается пронзительный телефоный звонок. Нико с трудом отрывается от подушки, берет трубку.

ГИЗО. Алло, Нико! Что делаешь?

НИКО. Ну что в это время можно делать? Как всегда, играю на трубе. Разве не слышно?

ГИЗО. Сердишься? А ты меня узнал?

НИКО. Конечно.

ГИЗО. Так кто же я?

НИКО. Собака ты.

ГИЗО. Это почему же?

НИКО. Потому что сейчас не спят только собаки. Который час?

ГИЗО. Половина четвертого. Ха-ха! Но все-таки вспомни меня. Мы с тобой в позапрошлом году отдыхали в Гаграх.

НИКО. Припоминаю. Но почему ты позвонил именно сейчас? Что-нибудь случилось?

ГИЗО. Ничего не случилось. Просто взял и позвонил. Что у тебя нового?

НИКО. Ничего. А у тебя? Может быть, я должен чем-нибудь помочь?

ГИЗО. Очень нужна мне твоя помощь! Ты что, не хочешь со мной разговаривать? Спешишь куда-нибудь?

НИКО. Нет, я никуда не спешу. Но откуда ты мне звонишь?

ГИЗО. С улицы, из автомата. С трудом разыскал через справочную номер твоего телефона.

НИКО. А почему бы тебе не пойти домой?

ГИЗО. Шутишь, что ли? Дождь льет, как из ведра.

Перевод с грузинского.

С. СПАССКИЙ

Этот Шура

Этот Шура преследовал меня всю зиму.

— Ну поедем вместе весной на байдарке! — ныл он.— Мне уже семнадцать, а я ни разу не был в походе! Все равно у тебя палатка на двоих! Я все выдержу — ураганы и землетрясения.

Он так надоел мне, этот Шура, что я согласился.

...Пройдя по реке километров тридцать, мы выгрузились на небольшом лесистом острове.

Майское солнце, костер, окуневая уха — о чем еще можно мечтать?

А этот Шура к вечеру снова заныл:

— Да ну... Одеяла, матрасы... Что я, дачник? Приключений надо!

Я промолчал. А он демонстративно не полез в палатку, а устроился прямо на берегу, под перевернутой байдаркой.

Утром, за завтраком, я отхлебнул чаю и сморщился: чай был горько-соленый...

— Это бывает,— сказал Шура.— При переправе через Анды мулы срываются, и во вьюках соль перемешивается с сахаром.

Днем я обнаружил, что весь запас спичек промок.

— Амазонка,— задумчиво сказал Шура.— В верховьях она коварна. Волны захлестывают плот, а припасы промокают.

Я вынул из кармана зажигалку. Шура вздохнул.

Через час запахло горелой резиной. Я взглянул на костер.

— Шура! — закричал я.— Твои кеды!

— Кеды,— мечтательно согласился Шура.— Ужасен пожар в пампасах. Путникам редко удается спастись...

Этот Шура ходил босиком весь день, а вечером поймал гадюку, посадил ее в алюминиевый бидончик и радостно сказал:

— Однажды вот так зоологическая экспедиция наловила кобр, а ночью змеи освободились и расползлись по палатке.

Я отнял у него бидон и вытряхнул гадюку в реку. Она торопливо уплыла вниз по течению. Шура, недовольный, полез спать под байдарку.

На следующее утро он поднес к моему носу кулак с двумя зажатыми в нем палочками.

— Тащи! — сказал он.

Я вытащил короткую палочку.

— Короткая палочка — короткая жизнь,— объяснил Шура.— Таков обычай моряков, выброшенных штормом на необитаемый остров. Продукты кончились, и приходится жертвовать одним ради жизни остальных. Пойду дровишек заготовлю. Где топор?

— Нет уж,— сказал я, схватив топор,— я сам заготовлю.

Я зашел в лес, потом незаметно прокрался берегом к байдарке и спустил ее на воду.

Удочки, топор и одно весло я оставил Шуре. Он не пропадет, этот Шура, искатель приключений и начинающий каннибал.



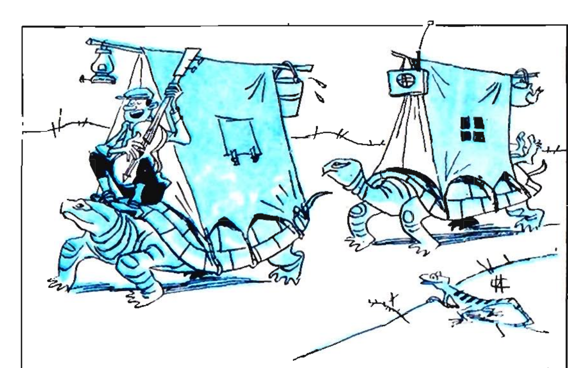
И. СЫЧЕВ



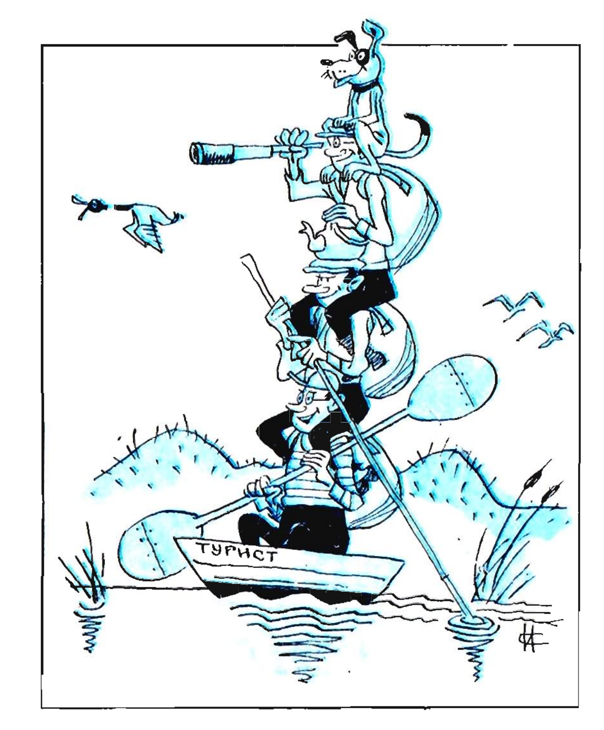
Горными тропами.



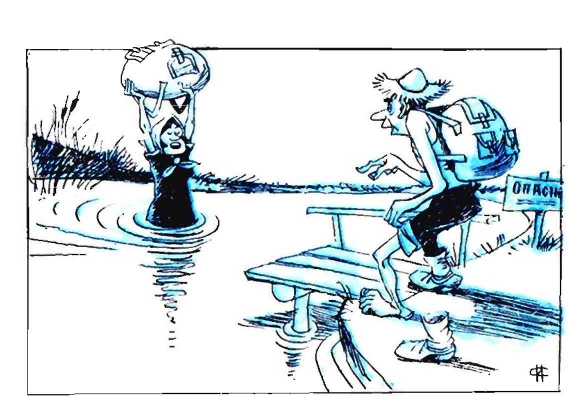
— Ребята, в инструкции сказано, что она разбирается!



СТЕПНОЙ КРУИЗ.



Трое в лодке, не считая собаки.



— Здесь глубоко! Вам помочь?
— Не беспокойтесь: меня муж на плечах переносит!



— Завести жеребят? Шутишь? Стану я надевать себе хомут на шею!

Рисунок М. БИТНОГО

НЕофициальный отдел

ЗДРАВСТВУЙ, МИХАИЛ КОЛЬЦОВ!

В это прекрасное солнечное июньское утро Михаил Кольцов вновь встретился со своими многочисленными друзьями и читателями на Страстном бульваре у дома № 11, где он когда-то работал как председатель Правления журнально-газетного объединения.

На серой гранитной доске — барельеф Михаила Кольцова рядом с полосой газеты «Правда», с которой неразрывно связаны имя и деятельность прославленного публициста и фельетониста. Как известно, М. Кольцов был также редактором «Огонька» и «Крокодила».

При открытии мемориальной доски тепло и проникновенно сказали о Михаиле Кольцове заместитель Председателя Союза журналистов СССР В. И. Чернышов, политический обозреватель газеты «Правда» В. Маевский, писатели Е. Рябчиков и Н. Кружков, брат М. Кольцова — Б. Е. Ефимов.

В ОТКРОВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ...

Очному знакомству, как это часто бывает, предшествовало заочное. А потому и встреча с первых же минут носила самый непринужденный характер.

По предложению хозяев, представителей трижды орденоносного Пермского моторостроительного завода, прежде чем приступить к обмену мнениями, было решено ознакомиться с продукцией друг друга. Крокодил охотно согласился на это и предложил рабочим, инженерам, техникам, рабкорам осмотреть передвижную выставку карикатур.

Хозяева, в свою очередь познакомили Крокодил с образцами продукции завода. Скажем прямо, она произвела должное впечатление. Крокодил осмотрел авиационные моторы и двигатели с чувством здорового удовлетворения. Еще бы! В этих не столь внушительных по габаритам агрегатах заключена чудовищная сила в тысячи лошадиных сил, благодаря которой мы быстро и комфортабельно путешествуем по свету.

Потом состоялась читательская конференция. Крокодила любезно представил его младший брат — журнал «Спутник Крокодила», вот уже четырнадцатый год выходящий как ежемесячное сатирическое приложение к заводской многотиражной газете «Ленинский путь».

Крокодил увозил с собой не только добрую память о новых пермских друзьях, но и деловые конкретные напутствия — еще острее выступать против всего, что мешает нам успешно выполнять девятую пятилетку.

ЕЩЕ О НАШИХ «ГЕРОЯХ»

На этот раз в Продолговатом зале редакции шла речь об усилении нравственного воспитания людей, об укреплении социалистической сознательности. Заместитель министра внутренних дел СССР генерал внутренней службы II ранга Б. Т. Шумилин рассказал крокодильцам о том, как ведется борьба с правонарушителями всех мастей: расхитителями, мошенниками, лицами, уклоняющимися от уплаты алиментов, браконьерами, хулиганами...

Перед крокодильцами выступили также заместитель начальника отдела политико-воспитательной работы МВД СССР комиссар милиции III ранга С. Л. Шевченко и старший инструктор того же отдела подполковник милиции Е. В. Давыдова.

Большое внимание было уделено роли общественности в борьбе с пьянством, мерам, принимаемым соответствующими учреждениями для лечения алкоголиков и возвращения их к нормальной жизни.

Немало поучительного рассказал крокодильцам и заведующий клиникой Института скорой медицинской помощи имени Склифосовского доктор медицинских наук, профессор тов. Д. Д. Федотов.

Как итог этих двух встреч, намечены новые важные темы для выступлений Крокодила.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Молодой талантливый артист дебютировал в пьесе Мольера. После окончания представления к нему подошел старший коллега и сказал:

— Если бы Мольер мог видеть вас сегодня вечером, он, наверно, перевернулся бы в гробу.

— Тогда он принял бы нормальное положение, потому что вчера вечером выступали вы, — спокойно ответил молодой артист.

●

Муж вернулся домой почти на рассвете и вошел на цыпочках, чтобы не разбудить жену. Но она не спала, ожидая его.

— Это ты? — спросила она.

— А что, ты ждешь кого-нибудь другого? — спросил он.

УЛЫБКИ

— Это бар?

— Нет, квартира.

— Я же звоню в бар.

— Но вы попали в квартиру.

— У вас что, одинаковый номер с баром?

— Нет.

— Тогда зачем же вы берете трубку?

●

Луиджи и Винсенто поклялись друг другу, что тот, кто умрет первый, приложит все усилия, чтобы установить контакт с того света с оставшимся в живых. Первым умер Луиджи. И вот однажды Винсенто, идя по улице, услышал голос:

— Винсенто, друг мой, это я, Луиджи.

Винсенто в замешательстве огляделся по сторонам. Но единственным живым существом поблизости была старая кляча, впряженная в обшарпанный фургон с мороженым.

— Да, да, — печально сказала лошадь, — это я — Луиджи. Живи как можно дольше, Винсенто, сам видишь, куда может вселиться твой дух после смерти. Мой хозяин лупит меня, держит впроголодь да еще заставляет таскать этот фургон с мороженым по 16 часов в сутки.

— Но Луиджи, — воскликнул Винсенто, — у тебя же есть дар речи! Почему ты не устроишь скандал своему хозяину?

— Тсс... Бога ради, не выдавай меня, он не должен знать, что я умею говорить. Иначе он наверняка еще заставит меня орать: «А вот мороженое!», «Кому мороженое!».

●

Супружеская пара — в кабинете зубного врача.

— Сколько вы возьмете за удаление одного зуба? — спросил муж.

— С наркозом или без?

— Без наркоза! — твердо решил муж.

— Браво! — сказал дантист. — Наконец-то появился храбрый мужчина!

— Садись в кресло, дорогая, — сказал муж.

●

Буря. Шторм. Тонет корабль. Англичанка подходит к капитану:

— Простите, сэр, где здесь лодка для некурящих?

●

— Я уже второй день кручусь на карусели...

— Вы ее так любите?

— Терпеть не могу. Но хозяин карусели должен мне деньги, и только таким способом я могу получить с него долг.

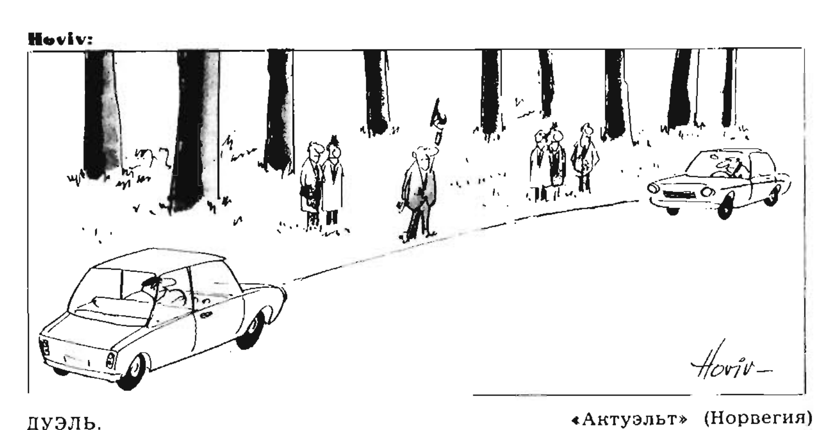
●

Две приятельницы сидят в кафе.

— О Ядвиге я не могу сказать ничего плохого...

— Тогда поговорим о ком-нибудь другом.

Hoviv:



ДУЭЛЬ.

«Актуэльт» (Норвегия)

РАЗНЫХ ШИРОТ

Бора САВИЧ (Югославия)

Пятьдесят красных роз

Я редко читаю объявления, и это попалось мне на глаза случайно. Взял в руки газету, посмотрел на брачные объявления и сразу его увидел:

«Молодая девушка прекрасной внешности, с безукоризненным прошлым и замечательным окладом, машиной и хорошей квартирой желает познакомиться с красивым, скромным и умственно полноценным молодым человеком с целью брака. Прошу отвечать под девизом «Пятьдесят красных роз».

Гм... Гм... Весьма интересное предложение. Конечно, я не голливудский актер, но для домашнего употребления, пожалуй, вполне годен. Кстати, и весьма скромен. Человек, живущий на стипендию, не может не быть скромным.

Один вопрос, правда, потребовал от меня больших раздумий. Что значит «умственно полноценный»? Кто его знает... Во всяком случае, умственно полноценный не должен пропустить такой шанс.

Утром я собственноручно отнес в редакцию на имя «Пятьдесят красных роз» свою автобиографию.

Я написал историю доброго, честного и скромного молодого человека, над которым наконец засияла звезда. Он сберег весь запас любви и нежности и с нетерпением ожидает решения своей избранницы.

В конце я приписал, как мне казалось, очень остроумно: «Пятьдесят красных роз я нежно целую пятьдесят раз». Указал адрес общежития и послал одну фотографию тех времен, когда я еще не ходил в нашу студенческую столовую.

Четыре дня я с нетерпением ожидал ответа. Наконец пришло письмо. Дрожащими руками я вскрыл конверт и прочитал: «Дорогой незнакомый друг! Из всех откликов на мое объявление я избрала ваш. Мне кажется, что этот выбор правильный. Я с нетерпением ожидаю нашей встречи. В воскресенье, в 10 часов вечера, будьте в ресторане «Белый лебедь». Для того, чтобы я могла вас узнать, принесите одну красную розу — мой самый любимый цветок. Я буду сидеть за столом с большой картой Белграда».

В воскресенье я надел свой лучший костюм, побрился так, что снял, наверное, три миллиметра кожи, и отправился в путь.

Ресторан «Белый лебедь» находился от меня недалеко. Но где можно в такое время года найти красные розы?

Вдруг меня осенило: как раз рядом с рестораном есть маленький цветочный магазинчик.

Пожилая носатая продавщица сказала:

— Осталось всего лишь три красные розы. Понимаете, в это время года они стоят очень дорого — по 10 динаров каждая.

— Беру все три, — сказал я.

Точно в десять часов я вошел в ресторан «Белый лебедь». В зале было еще по крайней мере полсотни прекрасно выбритых, элегантно одетых мужчин, каждый из которых держал по одной, по две, а то и по три красные розы.

Я посмотрел на все столики. Ни за одним из них не сидела красивая девушка с картой Белграда.

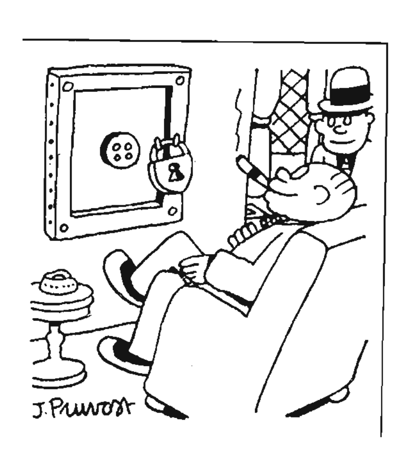
Не помню уже, как я вышел из ресторана. Проходя мимо цветочного магазина, я увидел через окно, как носатая цветочница подсчитывает что-то на счетах. На столе перед ней лежала большая карта Белграда.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ



— Потрясите, пожалуйста, головой — где-то там потерялись мои ножницы.

«Лектюр пур тус» (Франция).



— Чем ты так любуешься?

— Своим Рембрандтом.

«Фигаро» (Франция).



«Как вы можете утверждать, что в вашей катушке 600 метров, когда в ней оказалось всего 599 метров 87 сантиметров?!»

«Квик» (ФРГ).

Фернан РЕЙНО (Франция)

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИНИЯ

— Здравствуйте, мсье. Я пришел за своим костюмом. Готов он?

— Конечно, конечно, мсье, вот он. Надевайте. Вот так. Прелестно, просто прелестно! Хоть на витрину. Как будто вы в нем родились.

— Совершенно верно, родился и долго в нем спал. Что это за складка на левом плече?

— Ну, это вовсе не дефект, мсье, просто складочка для того, чтобы костюм хорошо носился. Складка для удовольствия. Знаете, в хорошо пошитом костюме должен быть хоть какой-нибудь крошечный минус. Эдакая малюсенькая запятая, которая лишь подчеркнет класс шитья. Вы меня понимаете, мсье?

— Понимаю, но это скорей не запятая, а целое многоточие...

— Господь с вами, мсье. Мне не хотелось огорчать вас, но у вас просто... гм... не совсем идеальная фигура. Опущение левого плеча. Вот, пожалуйста, посмотрите в зеркало. Так, теперь поднимите левое плечо. Видите? Складка исчезла.

— Да, но она появилась на правом плече.

— Вижу, мсье, вижу. Увы, в наш век не часто встретишь Аполлона. К сожалению, у вас опущение и правого плеча. Поднимите его.

— Как? Я уже поднял левое.

— Ничего, ничего. Поднимите и правое. Кстати, при настоящей итальянской линии плечи должны быть подняты. Вот так! Отлично, мсье, поздравляю вас с шедевром.

— Но теперь складка на груди.

— Выпятите ее больше, больше... Особенно правую сторону... Да не пыхтите же так, мсье, в вашем возрасте это опасно...

— А почему теперь соскакивают брюки?

— Ах, мсье, мсье, что теперь понимают в хорошей осанке? Повернитесь влево на три четверти. Шедевр! Просто шедевр! Поддерживайте брюки бедрами, тазом! Куда же вы, мсье, без брюк? Постойте!

КРОКОДИЛ

№ 19 (2029)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»



журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, М. Битный, А. Грунин, С. Кузьмин, М. Мохов, В. Тильман, Л. Самойлов, В. Сафонов, Ю. Черепанов.



Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 20/VI 1972 г. А 08351. Подписано к печати 29/VI 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

Тираж 5 050 000 (5 завод 4 263 301 — 5 050 000)
заказ № 1377

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

В ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ



— Вы тоже хотите голосовать? Вот ваша урна.

Рисунок Ю. ГАНФА